

Ушаков В. А. Третье и четвертое действия комедии Грибоедова "Горе от ума": (Отрывок) // А. С. Грибоедов в русской критике: Сборник ст. / Сост., вступ. ст. и примеч. А. М. Гордина. -- М.: Гослитиздат, 1958. -- С. 56--59.

http://feb-web.ru/feb/griboed/critics/krit/krit08_1.htm

ТРЕТЬЕ И ЧЕТВЕРТОЕ ДЕЙСТВИЯ КОМЕДИИ ГРИБОЕДОВА "ГОРЕ ОТ УМА"

(Отрывок.)

"Горе от ума" встретили ожесточенные противники, и многие не перестают доныне преследовать это изящное произведение. Отчего? Оттого, что оно было неслыханною новостью по своему объему, ходу, картинам, характерам. Тут действовал в критиках не какой-нибудь верный отчет, а отвращение от новости: взбаламутились *стариками*! Но когда общее одобрение, изъявленное целою Россиею, показало, что клики и уверения порицателей не убеждают никого из людей не ослепленных, тогда критики поуспокоились, как будто сделавши свое дело. "Комедия стала народною в рукописи, -- говорили они, -- а посмотрите, как хлопнется она в представлении". -- "Но, мм. гг., этого быть не может, -- отвечали им, -- потому что Грибоедов взял свои картины с природы, хотя и испорченной. Фамусов не Phantasiiekranz {Венец фантазии (*нем.*). } Гетева "Фауста", а Софья не Елена: их поймет наша публика". -- "А вот посмотрите, попомните наше слово! Тут нет жизни комической: это "Мизантроп" наизнанку; а "Мизантроп" и у Мольера скучен". -- "Да потому-то Чацкий и не будет скучен на нашей сцене, что это Мизантроп нашего времени, то есть существо самое естественное в наше время, и Мизантроп точно наизнанку в сравнении с Мольеровым: тот весь наруже, а этот весь в глубине души". -- "Ну, немецкая философия! Ох вы, с вашими *высшими взглядами*! Надобно знать существенное, знать *сцену*. Мы, сударь, старожилы в театре: знаем, что говорим!"

Таким разговорам не было конца, потому именно, что они не вели ни к чему. Можно ли убедить старовера, что он ошибается, если этот старовер затыкает себе уши? Оттого-то мы с большими ожиданиями и нетерпением пришли в театр, на масленице в среду, 25 февраля, посмотреть на торжество или на неожиданное падение "Горя от ума".

Надобно признаться, что пьеса была обставлена очень дурно. Почти ни один актер не был в своей роли. Г. Мочалов, казалось рожденный для роли Чацкого, выполнил ее очень неудовлетворительно. Он представлял не светского человека, отличного от других только своим взглядом на предметы, а чудака, мизантропа, который даже говорит иначе, нежели другие, и прямо идет на ссору с первым встречным, тогда как у Грибоедова он невольно ссорится со всеми, ибо не может удержать кипения души, пылкой, благородной и не гармонирующей с встречными душами. Г. Сабуров в роли Репетилова казался умышленным шутком, а не дураком, уверенным в своих превосходных свойствах и по-своему понимающим доброе и злое. Софья была неестественно молода: это девочка, от которой даже смешно было слышать то, что она говорила. Не понимаем, для чего эту роль не играла г-жа Репина: она выполнила бы ее прекрасно. Об остальных ролях говорить нечего: они были играны более дурно, нежели хорошо. Заметим, однако ж, Хлестову и гг. Степанова и Орлова, из коих первый играл князя Тугоуховского, а второй Скалозуба. Князю не пришлось сказать ни одного слова, но его вид, вход с дочерьми и прогулки по зале были так хороши, что невольно заставляли хохотать. Г. Орлов явился настоящим Скалозубом! Особенно когда во время бала он вальсировал и во время разъезда говорил Репетилову, что *в Вольтеры даст фельдфебеля*, мы видели живой экземпляр одного из тех людей, на которых метил автор. Прочие роли не могли заменить нестройности целого даже по своей незначительности. Прибавим к этому, что играны были только два последние действия и клочок из второго, притом со многими изменениями против оригинала; но несмотря на все сие, пьеса так хороша, так естественна и современна, что многочисленная публика беспрестанно выражала свое удовольствие. Ни одно место замечательное (кроме *съеденных* действовавшими) не ускользнуло от внимания и одобрения. Вот урок гг. староверам, жильцам былого времени! Вот оправдание *современности*! Не знаем, что заговорят они теперь.

Любопытно решить вопрос: отчего гг. актеры наши не могли войти в свои роли? Не будем говорить о тех, которые были не на своих местах, а посудим, отчего столь несовершенно играли их товарищи, занимавшие свои, так сказать, законные амплуа?

Привыкши представлять роли всегда одинакие, всегда отлитые в одну форму, они страшились